

Лишь одна Морея прославилась национальной летописью, которая, к счастью, сохранилась благодаря копиям в некоторых западных библиотеках. В то время, как до нас не дошло ни одно изложение истории Афин при франкских герцогах, мы имеем и греческую, и французскую хроники завоевания Пелопоннеса франками: драгоценные памятники обоих языков, на которых здесь говорили в XIV столетии, имеющие и историческое значение, несмотря на басни и ошибки, заключающиеся в них, эти хроники суть по преимуществу исторические книги. Греческая изложена в форме народной героической эпохи, отличающейся от прозы только «политическим» стихом. Так как она задумана шире, полнее и оригинальнее, чем французская, прозаическая, то на этом основывают мнение, что последняя представляет собой лишь одну из ее версий. Она была также переведена на итальянский язык и по поручению знаменитого Эредиа была изложена даже на каталанском языке.

Счастливая мысль изобразить в общедоступном произведении покорение Морей франкскими героями, а также рассказать потомству о подвигах и судьбах их потомков в течение всего XIII столетия могла, естественным образом, явиться лишь в то время, когда франкское государство в Пелопоннесе если и не исчезло с лица земли, то склонялось уже к полному упадку. Идея такого произведения могла прийти в голову только морейскому франку; быть может, он был наведен на эту мысль каким-либо государем или выдающимся феодалом. Предполагали, что это был Бартоломей Гизи, потому что на рукописи французской хроники отмечено, что в его замке в Фивах был экземпляр «Книги о завоевании». Но хотя Гизи и был облечен саном коннетабля ахайского, он, однако, был не мореец, но коренной венецианец и потому не имел, конечно, того живейшего интереса к истории дома Вильгардуен, какой предполагает такое поручение составить эту историю. Несомненно, что составитель греческой эпопеи был человек, глубоко проникнутый франкским национализмом: он не только идеализирует франков, но дает самое необузданное выражение своему презре-